

13 марта 1991 года, тихая улица в Суррее, словно застывшая в ожидании чего-то невероятного. На щеке юного Гарри Поттера красовался синяк, не слишком внушительный, но отчего-то вызывающий тревогу. Он, словно замороженный, осматривал свое отражение, не находя на лбу того самого шрама в форме молнии, который должен был быть его отличительным знаком, печатью судьбы.— О, черт, — вырвалось у него, словно шепот, полный горечи и растерянности.— Следите за языком, мистер Поттер, — раздался сзади строгий голос, от которого Гарри вздрогнул.— Извините, сестра Ройс, — пробормотал он, опустив взгляд. Школьная медсестра, женщина с суровым, но справедливым взглядом, лишь кивнула, довольная его извинениями. Гарри даже не заметил, как она вошла. Он был поглощен своими мыслями, которые клубились в голове, словно вихрь. Неужели он не был тем, кем его считали? Он мысленно прокручивал события своей жизни, пытаясь найти хоть один намек на то, что его родители были кем-то больше, чем обычными людьми. Джеймс и Лили Поттер, два ярких представителя Гриффиндора, гордость и надежда факультета, чьи имена должны были войти в историю Хогвартса. Они, чья любовь и преданность стали легендой, чьи жизни оборвались в тот роковой вечер, когда Темный Лорд напал на их дом. Но что, если все это была выдумка? Что, если Волан-де-Морт выбрал в качестве своей жертвы не Гарри, а Невилла Лонгботтома? Возможно, родители Гарри были убиты Лестрейнджами и Краучем-младшим, а сам он, брошенный и забытый, попал к своим родственникам-маглам? Или, быть может, пророчество было искажено, а Гарри не был "Избранным"? А может, его вообще не было? Мысли Гарри кружились в водовороте сомнений. Внезапно все, во что он верил, все, что знал, рухнуло, как карточный домик. Он был одинок, затерянный в лабиринте нерешенных вопросов, и ему предстояло найти ответы. — Вы меня слушаете, молодой человек? — раздался строгий голос медсестры, возвращая Гарри в реальность.— Извините, сестра Ройс, я немного задумался. Не могли бы вы повторить? — ответил он, стараясь скрыть свой испуг.— Хорошо, — процедила медсестра, — у вас лишь небольшой синяк на щеке. Кажется, никаких переломов или серьезных травм. Честно говоря, я не ожидала, что вы будете драться, по крайней мере, по сравнению с другими мальчиками.— Я не очень силен в драках, — ответил Гарри, пожав плечами. — Они просто загнали меня в угол, назвали уродом и начали бить. Я старался не попадать под удар и убежал. Но не смог убежать достаточно быстро. Гарри поклялся, что увидел на лице медсестры слабую улыбку, но та лишь вздохнула и произнесла:— Вы могли бы причинить им боль, малыш.— Понимаете, их было пятеро, — ответил Гарри, возмущенный ее словами. — И я почти никого из них не ударил. В основном они били друг друга.— Вам лучше объясниться с директрисой, — сказала медсестра. — Учителя прервали драку и привели вас сюда. Их родители сейчас у нее в кабинете, жалуются.— Ну, это нехорошо, не так ли? — вздохнул Гарри.— Да, у вас дела не очень хороши. Не будем заставлять директрису ждать. Она сказала привести вас к ней, как только вы проснетесь. Медсестра вышла из лазарета, а Гарри поспешил за ней. К тому времени, как они добрались до кабинета директрисы, он чувствовал себя совершенно измотанным. Он не знал, что было причиной его усталости: бой или та необъяснимая магия, которая текла в его жилах. Он вошел в комнату, где его уже ждали его мучители и их родители, с яростными выражениями на лицах. Директриса, женщина с суровым взглядом, уставилась на него, словно читая его мысли.— Мистер Поттер, приятно видеть, что вы снова проснулись. Что ж, теперь, когда вы здесь, мы можем начать. Можете ли вы рассказать нам, что произошло, по крайней мере, с вашей точки зрения? — спросила она, ее голос был холоден и бесстрастен.— Ну, я решил пойти прогуляться на обед, так как забыл собраться и не взял денег на столовую. Я гулял, когда Дадли и его друзья назвали меня уродом и похвастались, что там не было учителей, которые могли бы меня защитить. Они сказали, что хотят преподать мне урок. Я пытался отговорить их, но это не сработало, — начал Гарри, глядя на директрису. Петунья, его тетя, усмехнулась, но взгляд директрисы заставил ее замолчать. — Поскольку я не очень силен в физическом бою, я пытался настроить их друг против друга, — продолжил Гарри, чувствуя, как его голос дрожит. Гарри бросил на тетю Петунию взгляд, полный нескрываемой иронии. Она, как и всегда, была готова поверить в любую ложь, лишь бы

защитить своего любимого сыночка. — Директор, вы же не можете всерьез верить в эту чушь, не так ли? — с вызовом в голосе произнесла она. Директриса, устало вздохнув, ответила сарказмом: — А в историю вашего сына о том, как он напал на всех без причины, вы, видимо, верите? Гарри едва заметно усмехнулся, наблюдая за тем, как взрослая компания, как по команде, уставилась на него, ожидая объяснений. — Да, это просто глупая история, — проговорил он, — причина, по которой я решил драться с ними. И вы хотите сказать, что я, худой и маленький, едва способный пробежать круг по стадиону, в одиночку сражался с пятью здоровыми парнями, которые крупнее и сильнее меня? Вы действительно верите в это? Директриса, похоже, разделяла его скепсис. — Должна признать, миссис Дурсль, история вашего сына звучит несколько натянуто. Послушайте, мы все взрослые, и каждый из нас сыграл свою роль в этом беспорядке. Я даю вам обоим двое суток ареста, а какое дополнительное наказание вы назначите дома, решайте сами. Занятия почти закончились, так что забирайте детей домой. Решение, казалось, устроило всех, даже несмотря на то, что тетя Петунья продолжала ворчать. Путь домой прошел в молчании. Наказание Гарри было сравнительно мягким: ругань за причиненные Дадли страдания и запрет покидать комнату. Впрочем, это его не сильно беспокоило. Ухмыляющееся лицо Дадли, когда его ругали, вызывало раздражение, но уже не злость. Гарри с трудом мог поверить, что когда-то завидовал этому избалованному мальчишке. Теперь его просто жаль. Дадли, задохнувшийся в любви и вседозволенности, вырастет несамостоятельным и неуверенным в себе. Ему, скорее всего, придется потратить целое состояние на терапию, чтобы справиться с последствиями чрезмерной опеки. Все ради того, чтобы родители могли демонстрировать свое превосходство над племянником. Хотя, возможно, все было не так уж злонамеренно, просто они были ужасными родителями. Но это уже не имело значения. Теперь у Гарри была магия. Настоящая сила, которая уже скоро приведет его в Хогвартс. Он вспомнил, как Петунья говорила о средней школе, и понял, что это было намеком на то, что его ждет. Пока что Гарри был заперт в своей комнате до конца учебного года. Он, конечно, будет скучать по библиотеке, но у него будет достаточно времени, чтобы попрактиковаться в магии. До сих пор он не мог ее контролировать, не понимая, что это такое, кроме как "причудливости". Теперь он знал, что это называется случайной магией, проявлением магических способностей у детей, когда они испытывают сильные эмоции. Гарри часто замечал, что она проявляется хаотично, и ее последствия могли быть опасными. Это случалось, когда он пугался или чувствовал угрозу. Магия не защищала его, а лишь реагировала на страх, на ощущение опасности. Но управлять ею было вполне реально. Том Реддл, будучи ребенком, научился использовать магию как оружие, чтобы пугать своих обидчиков в приюте. Говорят, он даже научился двигать предметы силой мысли. Том был необычайно умным ребенком, сумевшим самостоятельно постичь эту тайну. Вероятно, он использовал ненависть, направляя через нее свою магию. Это было одновременно пугающе и гениально, а главное, слегка жутковато. Теперь, когда Гарри понял принцип, нужно было немного попрактиковаться. Он посмотрел на лист бумаги на кровати, уставившись на него, как и в последние несколько часов. Гарри старался воспроизвести образ Дадли, пытающегося ударить его, заглядывая глубоко внутрь себя, пытаясь как можно точнее передать эмоцию. Он почти чувствовал страх, угрозу боли, и с этой эмоцией ощутил, как что-то внутри него шевельнулось. Тепло разлилось по телу, и лист бумаги поднялся в воздух на несколько дюймов. Оказалось, все гораздо проще, чем он думал.